

Во дворе, под низким свесом крыши, где уже облетела листва, стоял широкий лакированный столик, застеленный мягким ковриком.

Сяо Миньюэ, распустив темные волосы, заколола их на затылке белой нефритовой шпилькой и, приподняв подол платья, чинно опустилась на колени. Однако удержать подобающий юной деве кроткий и нежный вид ей не удалось — она обернулась к стоявшей позади Лу Цзюин и позвала:

— Очаровательные барышни, подойдите-ка поближе.

А-Тяо и А-Цзянь послушно сделали шаг вперед, и Сяо Миньюэ протянула каждой по предмету.

Взглянув на свои ладони, девушки увидели маленькие, гладкие нефритовые пряжки. Радость просияла на их лицах, но, не осмеливаясь принять подарок без разрешения, они дружно посмотрели на Лу Цзюин. Увидев её одобрительный кивок, они просияли еще сильнее, поклонились Сяо Миньюэ и, вежливо склонив головы, отошли.

Как только Лу Цзюин опустилась на колени напротив Сяо Миньюэ, та подалась вперед, опираясь на столик, и с улыбкой проговорила:

— Благодарю, сестрица, за это новое платье. Давненько я не носила таких красивых нарядов.

— Ты сама красавица, поэтому всё, что ни надень, тебе к лицу.

— Нет, сестрица, это ты красивее всех.

Когда Сяо Миньюэ произносила эти слова, лучи закатного солнца коснулись её лица. Лу Цзюин смотрела на её живую мимику и не могла не отметить, что без мужской одежды та выглядит удивительно прекрасной. В её облике сквозила холодная, но гибкая натура, с которой не могли сравниться никакие изнеженные девицы из богатых домов. Однако сейчас Лу Цзюин лишь тихо вздохнула и, протянув руку, накрыла ладонь Сяо Миньюэ своей.

— Перестань шутить. Ты ведь знаешь, что события, произошедшие сегодня в родовом храме, сильно огорчили обе ветви семьи, да и старую госпожу тоже. Благовония прогорели неровно — две палочки короткие, одна длинная, а у Лю-Лю лекарь обнаружил судорожный припадок. Боюсь, нынешний праздник середины осени будет испорчен.

Сяо Миньюэ лишь пренебрежительно хмыкнула:

— Сестрица, какая нам разница, испорчен он у них или нет? Вся семья Цзинь только и знает, что молиться о наследниках, но помнят ли они, что сегодня твой восемнадцатый день рождения? По мне, так это знамение — воля небес. Ребенок болен, припадок случился именно сегодня — не иначе как злые чары вмешались.

— Попридержи язык, А-Мяо. Старая госпожа уже в преклонных годах, нельзя проявлять такое неуважение.

Увидев, что Лу Цзюин настроена серьезно, Сяо Миньюэ ответила уже более сдержанно:

— О том, что творилось в храме, я узнала от А-Тяо и А-Цзянь. И меня тоже удивило, что благовоения предрекли беду, не говоря уже о болезни ребенка. Впрочем, — она выпрямилась, и её игривое выражение лица сменилось серьезным, — это я передала госпоже Цинь прощальное письмо из комнаты Цзинь Шаои. Думаю, всё, что произошло в храме — её рук дело. Ты, сестрица, слишком мягкосердечна и не хочешь ссориться с ними, но я уже говорила: кто обидит тебя, тот горько пожалеет.

Взгляд Лу Цзюин смягчился, но Сяо Миньюэ продолжила:

— Сестрица, не тревожься. Ни первая, ни вторая ветвь семьи не посмеют прийти ко мне с претензиями. Госпожа Лин обманом заставила младшего господина уйти на службу. Он мечтал заслужить славу, чтобы стать достойным тебя, а в итоге погиб на поле боя, да еще и был оклеветан ею как дезертир. Лин знала о скрытой неприязни второй ветви и о твоём нежелании раздувать скандал, поэтому её план и удался. Мы можем терпеть, но не позволим себя травить. Если есть дела, которыми тебе неудобно заниматься — доверь их мне. Госпожа Лин скоро всё поймет, и неважно, станет ли она подстрекать других или жаловаться — я её не боюсь. И всё же я оставила ей путь к отступлению: не рассказала госпоже Цинь всю правду о том, что младший господин не был дезертиром.

— Откуда ты узнала о судьбе младшего господина? — спросила Лу Цзюин.

— Мне рассказала супруга уездного начальника.

— Почему она решила тебе помочь?

Сяо Миньюэ приподняла тонкую бровь:

— Ну... она попросила меня найти наложницу её мужа.

Лу Цзюин лишилась дара речи. Она не могла упрекнуть Сяо Миньюэ в дерзости, ведь всё это началось из-за неё самой. Но именно понимая свое положение, она не хотела, чтобы самый близкий ей человек так рисковал.

Сяо Миньюэ, будучи весьма проницательной, тут же успокоила её:

— В этом мире еще не родился человек, способный доставить мне неприятности, не бойся.

С этими словами она достала из рукава кусок шелка:

— Оригинал письма я отдала госпоже Цинь, а это копия, которую я сняла. Там сплошные слова невыразимой скорби.

Лу Цзюин взяла шелк и пробежала глазами по последней строке: Сердце мое скорбит, никто не разделит мою печаль. Её взгляд лишь на мгновение дрогнул, но лицо осталось бесстрастным.

Сяо Миньюэ тихо кашлянула и незаметно вытащила из-под коврика лакированную шкатулку. Привлекая внимание Лу Цзюин, она протянула её со словами:

— Поздравляю с днем рождения, госпожа.

Лу Цзюин спрятала письмо и, приняв шкатулку, медленно открыла её. Внутри, на мягком шелке, лежала серебряная шпилька-бутяо с цветами и жемчугом. Цветы были выполнены искусно, напоминая крохотный лотос, но еще более примечательной была подвеска из красных нефритовых бусин.

Верхушки бусин были ярко-алыми, а к низу цвет плавно переходил в теплый белый. Они не были идеально круглыми, что придавало им особое очарование. Лу Цзюин покатила бусину в ладони — камень был прохладным и гладким, а в лучах заката переливался, словно припорошенный снегом. Настоящий шедевр.

— Этот красный нефрит... неужели это гранат из Западных земель, о котором ты говорила? — удивленно спросила Лу Цзюин.

— У тебя отличный вкус, сестрица. Эти камни называют аньшилю — гранатами. Их привозят из тех же мест, что и благовония, которые продают наши караваны. Гранат полон семян, плотно прижатых друг к другу, а на вкус он сладок и прекрасно утоляет жажду. Но на шпильке не настоящие семена — я увидела камни, похожие на гранатовые зерна, и попросила мастера выточить из них украшение.

Лу Цзюин не любила вычурность и золото, но серебряная шпилька с красным нефритом ей приглянулась по душе.

— Давай я помогу тебе надеть её, — предложила Сяо Миньюэ.

Шпилька, закрепленная в волосах, мгновенно преобразила лицо Лу Цзюин, сделав его сияющим и нежным.

Лу Цзюин погладила украшение и с улыбкой произнесла:

— А-Мяо, спасибо тебе.

— Что бы ни происходило в доме Цзинь и как бы ни сложилась жизнь, мы должны встретить этот праздник радостно. Скоро Пэнчэн озарится огнями, по улицам поплывут праздничные платформы. Пойдем в Юньсяньлоу — будем пить вино, любоваться луной и весело встречать середину осени.

Лу Цзюин, чьи глаза светились чистотой, кивнула.

Юньсяньлоу стоял в стороне от шумного Южного рынка, в трех ли от реки Цинбянь. Уже на подходе к нему можно было увидеть мириады праздничных фонарей, которые издали напоминали россыпь звезд на земле.

С террасы Чжайсин на верхнем этаже открывался вид на изгиб реки и далекие горы. В этот праздничный вечер полная луна ярко светила в небе, а внизу журчала вода — любоваться отражением луны в реке из такой выси было особым удовольствием.

Сяо Миньюэ и Лу Цзюин шли, держась за руки. Они не ожидали, что в этом году на праздник выйдет так много народу. Юньсяньлоу и стоящий напротив Жуменлоу были переполнены, отовсюду доносился шум и смех. Вдоль дороги висели изысканные фонарики, а торговцы сладостями, обступив их, показывали детям, как тянется золотистая карамель.

— Пойдем, сестрица, купим и мы карамели.

Они пробирались сквозь толпу — одна в розовом, другая в лиловом, точно упавшие с неба звезды. Прохожие не могли не оборачиваться им вслед. Сяо Миньюэ купила две порции, и тягучая золотистая сладость на бамбуковых палочках выглядела невероятно аппетитно.

— Кажется, я понимаю, почему здесь сегодня так много людей, — Сяо Миньюэ указала на террасу Чжайсин. — Раньше её всегда арендовал молодой господин из поместья Чжэньбэй-хоу, но в этом году он не стал этого делать, и у нас появилась возможность занять место. Мой отец знаком с хозяином Юньсяньлоу, вот я и выпросила столик.

Лу Цзюин посмотрела на высокую террасу и тихо проронила:

— Поместье Чжэньбэй-хоу...

— Говорят, под Юньсяньлоу растет прекрасное цветущее дерево, пойдем сперва посмотрим на него.

Лу Цзюин, откусив кусочек карамели, с улыбкой кивнула.

Дерево действительно было великолепным. Оно достигало высоты здания, усыпанное бесчисленными цветами, белыми, как снег. На ветвях было повязано множество красных шелковых лент, а вокруг толпились юные девы, что-то шепча друг другу и заливаясь звонким смехом.

Пока Сяо Миньюэ с интересом разглядывала дерево, к ним подошел слуга и протянул две красные ленты:

— Госпожи, в этот праздничный день вы можете загадать желание у этого дерева. Хотите ли вы сохранить красоту или встретить суженого — богиня Хэньэ, живущая в ветвях, может исполнить ваши мечты.

Сяо Миньюэ, вертя в руках мягкий шелк, усмехнулась:

— Что это за дерево такое? Богиня Хэньэ ведь должна жить во дворце на Луне, с чего бы ей поселиться здесь?

Лу Цзюин тоже с любопытством посмотрела на слугу. Тот ответил:

— Это сакура из округа Шу. Раньше она почти не цвела, а в этом году распустилась особенно пышно. Наш хозяин объездил весь мир и говорит, что нигде больше не видел такого прекрасного дерева. А богиня Хэньэ — самая прекрасная из небожительниц, где же ей еще отдыхать, как не здесь? Стоит вам повязать ленту, и ваш будущий супруг непременно найдет вас по этой нити судьбы.

Глядя на плотные ряды красных лент, Сяо Миньюэ подумала, что девушки в этом мире очень наивны. Если бы дерево могло найти мужа, зачем тогда нужен был бы старец Юэлао? А если уж Юэлао не может наладить чью-то судьбу, то что может сделать дерево, которое даже с места сдвинуться не в силах?

В отличие от скептической Сяо Миньюэ, Лу Цзюин с интересом рассматривала белые цветы:

— В «Оде о верхнем лесе» Сыма Сянжу говорится: «Вишни и сливы, гранаты и личи — всё выстроилось в заднем саду». Не об этом ли дереве шла речь?

Слуга, ничего не поняв, почесал затылок:

— Э-э, наверное, да.

— А плоды оно приносит? — спросила Сяо Минъюэ.

Слуга задумался:

— Кажется, нет.

— Значит, это не то дерево, о котором писал Сыма Сянжу, — поддразнила Сяо Минъюэ. — Богиня Хэньэ наверняка знает об этом и считает, что дерево вас обманывает — лучше уж ей оставаться на Луне.

В глазах Лу Цзюин промелькнула улыбка. Она повернулась к Сяо Минъюэ:

— Это всего лишь дерево, к чему такая строгость? А-Мяо, брось ленту как можно выше — богиня Хэньэ увидит тебя первой и обязательно пошлет тебе хорошего мужа.

— Сестрица, не начинай.

— Бросай, прямо на самую верхушку.

Сяо Минъюэ снова посмотрела на ветви. В этот момент подул ветерок, ветви слегка задрожали. «Ладно, — подумала она, — была не была». Она взмахнула рукой и подбросила ленту высоко вверх.

Ветер подхватил её, и красная полоска шелка, ярко выделяясь на фоне белых цветов, плавно опустилась на самую высокую ветку. Лу Цзюин рассмеялась:

— Вот видишь, твой суженый поймал эту нить судьбы.

Многие девушки вокруг с завистью смотрели на них. Сяо Минъюэ почувствовала, как лицо заливают румянец, и, схватив Лу Цзюин за руку, потащила её в здание.

После их ухода ветер не утих, он подхватил красную ленту и вынес её за пределы ограды.

За стеной, на дороге, стоял человек в фиолетовом одеянии, скрывающем лицо. Его глаза, глубокие, как омут, смотрели в пустоту этого шумного мира.

На его ладони тихо лежала красная лента, упавшая с неба.

Скорбь и радость, скрытые под одеянием Аэрхеле, в этот миг стали ясными, как свет полной луны.

<http://bllate.org/book/20047/1981193>